

Решетов А.М. Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 1. С. 75–85.

Решетов А.М. В.В. Радлов — директор Музея антропологии и этнографии Императорской Академии наук // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 137–155.

Решетов А.М. Академик В.В. Радлов — востоковед и музейевед (Основные этапы деятельности) // Радловские чтения — 2002. Материалы годичной научной сессии МАЭ РАН. СПб., 2002. С. 95–101.

Семидесятипятилетний юбилей со дня рождения академика Василия Васильевича Радлова. СПб., 1912.

Тюркологический сборник 1971. М., 1972.

П.А. Матвеева

СУДЬБА СЕМЬИ РАДЛОВЫХ В РОССИИ

Тема, затрагивающая личную жизнь В.В. Радлова и жизнь его семьи, никогда и никем из исследователей не поднималась. Написаны статьи, рассказывающие о научных достижениях этого человека, который со своими соратниками фактически «создал» Музей в том виде, в котором он существует по сей день. Архивных материалов, которые смогли бы хоть как-то пролить свет на судьбу семьи Радлова, оказалось не так много. Тем не менее автору этой публикации удалось по крупицам собрать сведения о потомках Радлова и истории его семьи.

Для поиска новых документов из личных архивов были проведены две встречи с потомками В.В. Радлова, одна — в Петербурге, другая — в Казани. 17 мая 2011 г. в Казани прошла встреча с членом-корреспондентом Академии наук Татарстана, доктором химических наук, профессором Вильямом Петровичем Барабановым и его родной сестрой Ариадной Петровной, правнуками академика Радлова. За те два часа, которые мы провели, беседуя за чашкой чая, Вильям Петрович поделился своими воспоминаниями, которые передала ему его мать, Анжела, внучка В.В. Радлова, все детство воспитывавшаяся у академика. Месяц спустя, 23 июня 2011 г., уже в Петербурге, в кабинете директора МАЭ состоялась встреча с праправнуком В.В. Радлова Юрием Марковичем Шмидтом, широко известным по ряду громких дел петербургским юристом и правозащитником, благодаря которому в Музей были переданы

материалы из семейного архива Радловых, включая ряд неопубликованных фотографий.

В.В. Радлов был женат на Паулине Августе Фромм, немке, которая приехала за ним в Россию и всю жизнь прожила здесь, а по архивным материалам удалось установить и многие факты из жизни их пятерых детей. Из личного дела В.В. Радлова: «Женат на Паулине Августовне Фромм, у них дети: сыновья: Владимир, род. 1 августа 1862 г., Алексей, род. 23 октября 1863 г., Александр, род. 2 декабря 1871 г., дочери: Юлия, род. 28 ноября 1860 г., Анна, род. 17 мая 1867 г. Жена и дети лютеранского вероисповедания» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед.хр. 503. Л. 7–14]. Дочь Анна (родные звали ее Нина) является бабушкой потомков Радлова, живущих в Казани, а Владимир — прадедушкой петербургского адвоката Ю.М. Шмидта.

При сопоставлении отдельных фактов стало очевидно, что сын Алексей умер в раннем возрасте, а старшая дочь Юлия, судя по всему, уехала в Италию, и далее сведения о ней теряются. «Старшая дочь моя Юлия живет в настоящее время в Милане и находится в незамужестве» [Там же. Л. 48] — так писал Радлов 30 сентября 1887 г. в отчете о предоставлении ему отпуска, который он много лет проводил в Выборгской губернии, станция Мустамьяки, на даче Григорьевой [Там же. Ед.хр. 13. Л. 55].

Сын Радлова Александр состоял на службе в Академии наук, исполняя обязанности помощника правителя дел и заведующего делопроизводством Канцелярии Правления. Александр Радлов был назначен на должность столоначальника Канцелярии Правления Академии наук 19 июня 1918 г., уже после смерти отца [Там же. Ед.хр. 705. Л. 2]. Судя по материалам архивного дела, он проживал в том же доме по 7 линии, что и отец; точный адрес: В.О., Университетская наб, Дом Академии наук № 1, по 7 линии — № 2 [Там же. Оп. 4а. Ед.хр. 13. Л. 55]. По воспоминаниям В.П. Барабанова, его прадед занимал весь второй этаж в этом доме, сейчас его часть занимает мемориальный музей-квартира академика И.П. Павлова.

13 ноября 1918 г. Александра Радлова включили в состав Хозяйственного комитета на равных правах с прочими членами, с возложением на него за особое вознаграждение обязанностей секретаря комитета [Там же. Оп. 4. Ед.хр. 705. Л. 9–10]. Весной 1919 г. он выбыл в Москву для оформления закупки в Финляндии бумаги и канцелярских принадлежностей для Академии и так и не вернулся.

В мае 1919 г. Академия начала переписку с его супругой Ириной Рудольфовной о выяснении местопребывания мужа и принятии мер к его скорейшему возвращению к исполнению своих обязанностей в ка-

честве заведующего делопроизводством Академии. В ответ на присланный Академией запрос Ирина Радлова отвечает, что последнее известие получила от него из Москвы около месяца тому назад. «С той поры я ничего о нем не знаю, хотя, по моему разумению, он должен был быть здесь уже недели две назад. Неполучение никаких известий меня очень беспокоит, а запрос Правления крайне встревожил меня, и я покорнейше прошу сообщить мне, не имеется ли у Правления каких-нибудь неизвестных мне сведений о моем муже, которые могли бы объяснить его столь продолжительное непонятное для меня отсутствие» [Там же. Л. 14].

В июне того же года Академия наук предписывает Александру Радлову «вернуться в Петроград к исполнению своих служебных обязанностей не позднее 1 июля с.г., препроводив выписку заказным пакетом в Москву на имя А.В. Радлова, до востребования» (выписка из журнала заседания Правления Российской академии наук от 11 июня 1919 г.) [Там же. Л. 20]. Однако вскоре, как и следовало ожидать, конверт заказного письма, в связи с отсутствием требования, был возвращен в Петроград [Там же. Л. 21]. В октябре 1919 г. вышел приказ «Об отчислении от службы в Академии бывшего заведующего делопроизводством Канцелярии Правления А.В. Радлова за невозвращением его в срок из командировки и неизвестностью его местопребывания с 27 марта с.г. Определено: отчислить А.В. Радлова от службы в Академии с 1 ноября с.г. и уведомить супругу его И.Р. Радлову о необходимости освободить к 1 ноября с.г. занимаемую квартиру № 5 в доме № 2 по 7 линии Васильевского острова» [Там же. Л. 23].

Далее сведения об Александре теряются. Любопытно, что на торце полуразрушенного памятника на могиле академика Радлова на Смоленском лютеранском кладбище Петербурга также выбито имя Александра. Судя по всему, он все-таки был похоронен здесь же, а его супруга Ирина Рудольфовна вместе с дочерью Лилей уехали во Францию, и уже в 1930-е годы связь с ними обрывается.

История с могилой В.В. Радлова заслуживает отдельного внимания. К сожалению, зачастую в нашей стране места захоронений выдающихся людей либо остаются неизвестными, либо находятся в таком плачевном состоянии, что разыскать их порой представляет большую проблему. Именно в таком состоянии находится могила академика Радлова, и это невзирая на то, что она входит в Реестр объектов федерального значения и охраняется КГИОП.

Эта могила, расположенная в самом центре Петербурга, на Васильевском острове, на территории Смоленского лютеранского кладбища,

представляет собой фамильное захоронение пяти человек. Первоначально сам академик В.В. Радлов установил на этом месте памятник своей супруге, Pauline von Radloff, которая умерла в 1899 г. На памятнике также выбито имя Alexander von Radloff, сына академика Радлова, о котором говорилось выше. К сожалению, дата его смерти практически стерта, и это оставляет вопрос с историей его исчезновения из Петербурга открытым. На двух торцах памятника сохранились имена Nina Moog (дочь Радлова) и Roma Moog (по всей видимости, его внук, умерший в младенчестве).

Смоленское лютеранское кладбище во многом и сегодня представляет собой полуразрушенный и частью заброшенный участок, по которому небезопасно передвигаться даже днем. В 2009 г. Правительством Петербурга были выделены деньги на реконструкцию этого кладбища. Уже сейчас можно наблюдать, что частично обновлена дренажная система, вымощены дорожки.

В рамках подготовки к празднованию 175-летнего юбилея академика Радлова (2012) и грядущего 300-летия Кунсткамеры (2014) руководство МАЭ приняло решение произвести полную реставрацию могилы В.В. Радлова. В этом направлении сделаны пока только первые шаги, но все согласования на уровне КГИОП и Правительства города уже позади. Будет восстановлен и мраморный постамент, и фигура ангела, половина которой была утрачена в годы войны. К сожалению, на сегодняшний день даже заинтересованный человек не сразу поймет, что в этом месте похоронен великий тюрколог. И дело даже не в том, что долгое время за могилой фактически никто не ухаживал: его имя выбито в самом низу, на цоколе памятника, да и качество надписи оставляет желать лучшего.

Нам удалось выяснить, что сам ученый завещал поставить на своей могиле огромный валун — по подобию памятника на могиле основателя шведского Скансена, А. Хазелиуса. К сожалению, в КГИОПе, который охраняет то, что осталось от надгробия, по известным причинам нам не удалось согласовать подобный проект, но отдельная плита с выбитыми на ней именем и регалиями великого российского тюрколога академика Василия Васильевича Радлова обязательно будет.

Фрагмент интервью с В.П. Барабановым (17 мая 2011 г.)

П.М.: Вильям Петрович, Вы, наверное, знаете, что в 2014 г. предстоит празднование 300-летия Кунсткамеры, а в 2012 г. состоятся юбилейные Радловские чтения — 175 лет со дня рождения Радлова. Планируются масштабные мероприятия, прежде всего это восстановление

памятника на кладбище и мемориальной доски на доме, который располагается недалеко от нашего Музея, где жил В.В.

В.Б.: Она же была когда-то там... Дело в том, что у них были различные идеологические расхождения с Марром, и когда тот был «у власти», по крайней мере у нас так дома говорили, то и портрет Радлова убрали, и доску убрали...

П.М.: Может быть, Вы помните номер квартиры, где жил В.В.?

В.Б.: К сожалению, нет...

П.М.: Это интересно, потому что номер квартиры ни в каких документах не фигурирует. Например, сын Радлова Александр, который служил в канцелярии Академии наук, проживал в том же доме в квартире № 11, это на втором этаже.

В.Б.: Его внучка, Наталья Карловна (мать Ю.М. Шмидта. — *П.М.*), и Елена Маврикиевна Кубиш, которая всю жизнь служила в Музее, они как раз жили на 7 линии, во дворе, я в этой квартире бывал, на втором этаже, но тот ли это дом, я не знаю. Бабу Лену (Кубиш. — *П.М.*) мы хоронили в декабре на Смоленском кладбище, в братской могиле. Она многое вспоминала, потому что она всю жизнь с В.В. работала.

П.М.: Насколько я знаю, он в свое время помог ей в устроиться в Музей.

В.Б.: Да, это была такая типичная питерская интеллигентка, мама с ней в основном по-немецки разговаривала. Дочь Радлова, моя бабушка, Нина, правда, она недолго прожила, в молодые годы увлеклась театром, ездила за границу и в Нью-Йорке познакомилась с будущим мужем. Их свидетельство о браке зарегистрировано тоже в Нью-Йорке: Нина Радлова и Вильям Моор. В честь него потом назвали меня. Потом они переехали в Европу, и мама родилась в Риме, в 1901 г., 15 или 16 декабря.

П.М.: А как звали Вашу маму?

В.Б.: Анжела Вильямовна.

П.М.: Мне встречалась информация, что она похоронена на Пискаревском кладбище, ее имя есть в списке Книги памяти.

В.Б.: Мне трудно сказать, она умерла 31 марта 1942 г. Она была крупным врачом, главным психиатром Ленинградской области, не эвакуировалась, жила в рабочем кабинете, потому что в наш дом попала бомба, и ее увезли в госпиталь, а на другой день ее не стало. Но нам с сестрой об этом сообщили где-то через месяц.

П.М.: А Ваш отец?

В.Б.: Он был на брони на предприятии, мы его не видели всю зиму. Весной он нас нашел, мы встретились, но у него не хватило духу, чтобы сказать нам.

П.М.: Как его звали?

В.Б.: Петр Петрович. Говорили, что маму похоронили где-то в братской могиле госпиталя, в госпитале она была на Выборгской стороне. Мы в этом госпитале тоже некоторое время лежали, а потом вместе с сестрой эвакуировались с детским домом.

Возвращаясь к Радлову, когда у Мооров в Риме родилась дочь Анжела, В.В. сказал, что нечего по заграницам быть, пусть возвращаются в Петербург. Но она (Нина Моор. — *П.М.*) рано умерла, и маму девочкой дед взял к себе, и она воспитывалась у Радлова. Тем более что Вильям Рудольфович Моор потом второй раз женился, он с новой семьей тоже жил на Васильевском острове. Мой прадед (В.В. Радлов. — *П.М.*) этаж имел, где жил, мой дед, профессор (В. Моор. — *П.М.*), — шесть комнат в квартире. Ну вот я тоже профессор, но шести комнат нет.

П.М.: Действительно, квартира, которую скорее всего занимал Ваш прадед, это фактически целый этаж, и там сейчас находится музей-квартира академика Павлова. Я разговаривала с кураторами музея, и они на 99 % полагают, что это и есть квартира Радлова, но точных сведений нет. В 1918 г. В.В. умер, и фактически через полгода туда въехала семья Павлова и до 30-х годов они там жили.

В.Б.: Жена Павлова была эвакуирована в Казань во время войны и продавала какие-то вещи на рынке, и ее забрали как спекулянтку. Это мне рассказывал сын академика Френкеля. Академия наук ведь была эвакуирована во время войны. Технологический институт был эвакуирован в наш институт (Казанский химико-технологический университет. — *П.М.*), а Академия наук располагалась в университете. И вот мама жила с В.В. до самой его смерти, потом закончила институт и жила самостоятельно.

П.М.: Может быть, Вы знаете про сына В.В. — Александра, который также служил в Академии наук, ведь он пропал?

В.Б.: Я вообще знаю о сыне Владимире. Знаю, потому что эту линию мы сейчас прослеживаем до адвоката Шмидта, это праправнук Радлова (Ю.М. Шмидт. — *П.М.*). Я с ним встречаюсь иногда, когда приезжаю.

П.М.: А Вы часто приезжаете в Петербург?

В.Б.: Сейчас реже. Но сын моей сестры, мой племянник, он военный, живет в Ленинграде, у него там семья, трое детей, то есть у нас теперь там следующее поколение.

П.М.: Но вот если говорить о сыне Радлова Владимире, то мне попадались сведения, что он был юристом и служил в Тюмени, то есть здесь своего рода преемственность.

В.Б.: Есть книга о Юрии Марковиче (Шмидте. — *П.М.*), может, вы ее найдете, у их семьи очень тяжелые 30-е годы.

П.М.: А в каком году Вас сюда эвакуировали?

В.Б.: Я приехал сюда с отцом после войны.

П.М.: То есть Вы всю блокаду в Ленинграде находились?

В.Б.: Часть блокады. Нас вывозили по Ладоге, мы с детским домом уезжали. Потом папа нас нашел, он привез сестру в Казань, здесь его сестры были, он сам казанский, потом он забрал меня. Он получил направление на юг, мы жили в Ереване, потом в Крыму, там он встретил окончание войны, заболел. В 13 лет я пошел работать на завод, но потом отец все-таки поправился, и мы приехали сюда, в Казань. Здесь я закончил наш институт и с тех пор работаю здесь (Казанский химико-технологический университет. — *П.М.*). Когда я заканчивал институт, у нас были направления в Ленинград, я очень хотел, но по партийной линии меня оставили здесь.

П.М.: Вильям Петрович, может, Вы знаете причину смерти В.В.?

В.Б.: Голод. Он уже был в возрасте, от недоедания. Это же был 1918 год...

П.М.: Интересная история связана с его сыном Александром, который в 1919 г. занимался закупкой канцтоваров для Академии наук, поехал в Москву и пропал. Академия достаточно долго вела переписку с его супругой Ириной Рудольфовной, но безрезультатно. О его дальнейшей судьбе сведений нет. В октябре, после того как он так и не объявился, его отчислили от службы из Академии.

В.Б.: Ирина Рудольфовна за границу уехала. Вроде бы ее портрет был выставлен в Русском музее, но потом его сняли, поскольку она была нелояльна к советской власти. В Казани В.В. очень чтят, и когда узнали, что я имею отношение к нему, лица, которые этим занимаются в университете на кафедре, очень заинтересовались этим. Муж моей сестры, Николай Петрович, его сейчас тоже нет в живых, он немного занимался жизнью Радлова, написал статью, и вот Ариадна Петровна (правнучка В.В. — *П.М.*) должна принести ее. До войны я бывал в Музее, но там уже ничего не было, что бы напоминало о В.В., ни портрета, ничего. Хотя мне баба Лена (Кубиш. — *П.М.*) говорила, что при входе был портрет большой, то есть при входе сразу все было радловское.

П.М.: У нас регулярно проводятся Радловские чтения, и в следующем году состоится юбилейная конференция, мы Вас с удовольствием приглашаем.

В.Б.: Спасибо. Конечно, еще лет 20 назад мы бы еще встретили людей, которые в той или иной степени знали В.В.

П.М.: Может быть, Вы знаете, куда могли попасть награды, ордена В.В.? У вас в семье их нет?

В.Б.: Нет, их и не было. Картина одна была, а вот у Кубиш кое-что было, мебель, прочее. Помню, я спрашивал, сколькими языками владел В.В. Дома говорили так: европейские не считаются, а восточными — со-рока пятью. У меня мама на шести языках свободно говорила. Моя крестная была итальянка, ее привезли из Рима, она так всю жизнь по-итальянски и говорила. Папа вспоминал, что когда они ходили к Вильяму Рудольфовичу в гости, там по воскресеньям были обеды, обед шел на английском языке, это считалось нормой. Мама всегда вспоминала деда своего (В.В. Радлова. — *П.М.*), что он к ней очень внимательно относился, в меру возможностей баловал, все ей прощал.

П.М.: А у Вас большая семья?

В.Б.: У меня сын, внук и внучка, уже взрослые. Внук живет у нас, и внучка жила у нас дома, а сын в другом месте жил. Так что у нас такая же история, как у В.В. Сын историк, внук работает в системе логистики, внучка занимается менеджментом. Когда мы с сестрой были маленькие, нас звали Вилли и Долли. Воспитывали нас в немецком духе, до войны, например, мы не имели права разговаривать по-русски. Мы жили на углу Кузнечного и Достоевского, в доме, где располагается музей Достоевского, дом 2, квартира 19, а в школу нас определили на Фонтанке. А последние блокадные дни мы жили на Восстания, у мамы на работе, там был областной диспансер, там она в своем кабинете принимала больных.

П.М.: А какие-то воспоминания об окружении Радлова, о тех людях, с которыми он работал, у Вас сохранились?

В.Б.: Мне трудно сказать, часть знакомых была от Радлова, часть от деда. Ну вот, например, академик Карпинский, дети его у нас дома бывали. Не знаю, был ли Радлов знаком с Бехтеревым, но его внучка, Наталья, тоже у нас дома бывала.

П.М.: Наш музей планирует восстановление памятника Радлову на кладбище...

В.Б.: До войны на могиле был белый мраморный ангел с крыльями. После войны я там был, у памятника была отбита рука и кусочек крыльев, а потом, когда я приезжал, мне говорили, что памятник уронили. До войны он точно был, мама туда часто приходила...

Говорить о восстановлении памятника в ближайший год пока рано. Мы очень надеемся, что это будет сделано к 300-летию первого государственного музея России, таким же основателем и создателем которого, как и Петр Великий, является академик Радлов.

Открытие мемориальной доски на доме, в котором жил В.В. Радлов (7 линия В.О., 2/1) и которая исторически располагалась там, но была демонтирована в 1920-е годы, станет замечательным началом в очень нужном и важном деле отдания долга памяти человеку, благодаря которому существует наш Музей.

А.Б. Радзюн, М.В. Хартанович

АКАДЕМИК В.В. РАДЛОВ И АНАТОМИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ КУНСТКАМЕРЫ

В конце 1898 г. в Академию наук поступило письмо начальника Военно-медицинской академии академика В.В. Пашутина о передаче в Военно-медицинскую академию анатомической коллекции Кунсткамеры:

«В Императорской Военно-медицинской академии имеются богатые музеи анатомический и патологоанатомический, служащие как для целей преподавания, так и для ученых изысканий многочисленных врачей, занимающихся в Академии. Имеющаяся в Императорской Академии наук коллекция анатомических и патологоанатомических препаратов, ввиду преследуемых этою Академией задач и отсутствия в ней кафедр по медицинским специальностям, едва ли приносит науке такую пользу, какую она принесла бы по перемещении ее в ведение Военно-медицинской академии. А посему имею честь обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою о содействии, чтобы означенная коллекция препаратов была пожертвована учебно-вспомогательным учреждениям вверенной мне Академии» [Протоколы Общего собрания. СПб., 1898 г. Параграф 151 протокола № 10 заседания от 5 декабря 1898 г.].

Следует сказать, что Санкт-Петербургская Императорская Медико-хирургическая академия была создана в 1798 г. В том же году при ней был образован единый музей кафедры физиологической анатомии, возникший на базе предшествующих анатомических кабинетов Санкт-Пе-